

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лизогуб А. С. Генералиссимус А. В. Суворов : личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века / А. С. Лизогуб // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 431—451. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451.

Lizogub, A. S. (2025). Generalissimo A. V. Suvorov: General's Persona in Memory Politics of Early 20th Century Russian Empire. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 431-451. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генералиссимус А. В. Суворов: личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века

Лизогуб Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0001-5101-6334
кандидат исторических наук,
кафедра отечественной истории,
социологии и политологии
chestopalova94@mail.ru

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-01190
«Военные события в исторической
памяти российского общества
в начале XX века»

Generalissimo A. V. Suvorov: General's Persona in Memory Politics of Early 20th Century Russian Empire

Anna S. Lizogub
orcid.org/0000-0001-5101-6334
PhD in History,
Department of National History,
Sociology, and Political Science
chestopalova94@mail.ru

Dostoevsky Omsk
State University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:

This research was supported
by the Russian Science Foundation,
project № 23-78-01190
“Military Events in the Historical Memory
of Russian Society at the Beginning
of the 20th Century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме использования образов героического прошлого в политике памяти Российской империи начала XX века. Автор подробно останавливается на характеристике коммеморации подвигов А. В. Суворова в российском государстве времен Николая II. Показано, что приближение 100-летия со дня смерти А. В. Суворова способствовало актуализации памяти о герое. На основе материалов делопроизводства и периодической печати доказано, что после вековой годовщины деятельности по увековечению памяти о полководце была продолжена. В результате исследования установлено, что викториальная тематика на протяжении рассматриваемого периода занимала ключевую позицию в символической политике самодержавной власти. Автор приходит к выводу о том, что государство активно использовало героический образ А. В. Суворова для легитимации существовавшего порядка и объединения населения империи. Подчеркивается, что в начале XX века важнейшими инструментами формирования пространства памяти являлись конструирование пантеона национальных героев, учреждение музеев, организация праздничных церемоний, проведение научно-просветительских мероприятий, монументальная коммеморация и др. Автор утверждает, что сюжеты военной истории применялись в создании культурной инфраструктуры как внутри государства, так и за его пределами. Статья представляет интерес для исследователей, занимающихся проблемами политики памяти начала XX века.

Ключевые слова:

А. В. Суворов; историческая память; политика памяти; Российская империя; монументальная коммеморация; памятные годовщины.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the utilization of heroic imagery from the past within the memory politics of the early 20th century Russian Empire. The author provides a detailed analysis of the commemoration of A. V. Suvorov's feats during the reign of Nicholas II. It is demonstrated that the centenary of Suvorov's death catalyzed a resurgence of interest in this heroic figure. Based on archival documents and periodical press, the study shows that efforts to immortalize the general continued after the centennial anniversary. The research establishes that Victorian themes occupied a central position in the symbolic politics of autocratic power throughout this period. The author concludes that the state actively employed the heroic image of A. V. Suvorov to legitimize the existing order and unify the empire's populace. It is emphasized that, in the early 20th century, key instruments for shaping the memory landscape included the construction of a pantheon of national heroes, the establishment of museums, the organization of celebratory ceremonies, and the execution of educational initiatives, alongside monumental commemoration. The author asserts that narratives from military history were instrumental in creating cultural infrastructure both within and beyond the state's borders. This article is of particular interest to researchers exploring issues related to historical memory and memory politics in the early 20th century.

Key words:

A.V. Suvorov; historical memory; memory politics; Russian Empire; monumental commemoration; commemorative anniversaries.

УДК 94(47)“191”+929Суворов

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Генералиссимус А. В. Суворов: личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века

© Лизогуб А. С., 2025

1. Введение = Introduction

Военная история всегда находилась в центре внимания российского государства и общества. Героические подвиги выступали средством для интеграции населения перед лицом внешнего врага, а также служили критерием для оценивания результатов внутривнутриполитического курса. Значимость памяти о войнах и ее героях предопределила приоритетный характер данной проблематики в символической политике России на разных этапах ее существования.

Протяженность границ Российской империи, многообразие народов, проживающих на ее территории, в совокупности с кризисными явлениями начала XX века поставили на повестку необходимость поиска действенных способов укрепления самодержавия. В такой ситуации героическая тематика использовалась властью в рассматриваемый период для легитимации политического курса. Несмотря на то, что события военной истории постоянно находились в центре внимания государства на протяжении 1900—1914 годов, методы и направления политики памяти менялись под влиянием вызовов эпохи.

В центре внимания настоящей статьи находится воссоздание инструментов коммеморации подвигов А. В. Суворова с целью выявления и характеристики особенностей политики памяти Российской империи начала XX столетия. Обращение к фигуре Александра Васильевича Суворова обусловлено его особым местом в пантеоне национальных героев, являющихся олицетворением громких побед и доблести русской армии.

Многогранность и междисциплинарный характер исследований в сфере политики памяти обусловили обращение к этой теме специалистов из разных отраслей гуманитарного знания. По мнению Дж. Джонсона и О. Ю. Малиновой, особенно силен интерес со стороны исследователей, занимающихся «изучением политики в постсоветских и посткоммунистических странах» [Джонсон и др., 2020, с. 16]. Разработке вопросов теоретического и методологического характера символической политики среди

отечественных специалистов свои труды посвятили А. И. Миллер [Миллер, 2020]), О. Ю. Малинова [Малинова, 2019], О. С. Поршнева [Поршнева, 2021], К. А. Пахалюк [Пахалюк, 2018] и др.

По мнению Дж. Уинтера, в конце XIX — начале XX веков память о прошлом использовалась для формирования национальных, социальных и культурных идентичностей [Winter, 2006, p. 55]. Р. С. Уортман, пытаясь проследить эволюцию сценариев власти в царской России, обратил внимание на то, что массовые гуляния начала XX века, обеспечивавшие Николаю II возможности вступать в непосредственный контакт с народом, позволяли ему заручиться поддержкой населения [Уортман, 2004, с. 32]. М. Рольф считал, что в 1903—1913 годах вступали в конфликт различные праздничные культуры, представляющие собой конкурирующие формы репрезентации [Рольф, 2009, с. 40]. К изучению общих тенденций викториальной тематики и ее использованию в своих целях самодержавной властью обратился В. В. Лапин [Лапин, 2016]. К. Н. Цимбаев, анализируя праздничную культуру Российской империи, пришел к выводу, что исторические юбилеи являлись одним из важнейших средств воздействия на сознание общества [Цимбаев, 2019]. Использованию памятных годовщин в символической политике на окраинах посвятили свои труды Д. Н. Просолов [Просолов, 2022], Э. О. Сагинадзе [Сагинадзе, 2020] и др.

Отечественные историки уделили также внимание изучению процесса формирования памяти о подвигах А. В. Суворова. А. В. Буганов, рассуждая о полководцах и военных героях в исторической памяти русского народа, пришел к выводу о том, что сочетание в личности Александра Васильевича Суворова «непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца» [Буганов, 2010, с. 165]. С. И. Григорьев рассмотрел роль Академии Генерального штаба в создании Суворовского музея [Григорьев, 2018]. Отражению личности полководца в зарубежных музейных экспозициях посвятила свою работу Е. А. Тинякова [Тинякова, 2018]. С. В. Постников и А. Г. Наумлюк выявили более 300 географических наименований, получивших свое название в память о генералиссимусе [Постников и др., 2021].

Таким образом, политика памяти российского государства в начале XX столетия являлась предметом изучения ряда научных трудов. Авторы в наибольшей степени уделяли внимание рассмотрению процесса организации празднований памятных годовщин. Несмотря на исследовательский интерес к образу А. В. Суворова, в настоящее время отсутствуют работы, целью которых являлось бы воссоздание особенностей конструирования памяти о полководце на последнем этапе существования Российской им-

перии и возможностей использования героического дискурса в политике памяти.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Корпус источников настоящей статьи включает в себя как опубликованные, так и архивные материалы. Большое значение имело обращение к документам Российского государственного военно-исторического архива, в котором сохранились рапорты, постановления, докладные записки отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба (фонд 2000). В его ведении находилось рассмотрение вопросов, связанных с увековечением памяти о значимых событиях и личности военной истории. Выявленные источники позволили определить основные направления политики памяти и охарактеризовать деятельность ее главных акторов, а также сложности при реализации коммеморативных проектов.

В статье также использовались документы Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО), отложившиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ф. 11). В связи с тем что общество не имело своего помещения, вся переписка и делопроизводственная документация хранились в здании Артиллерийского исторического музея, которым заведовал Д. П. Струков, по совместительству являющийся секретарем ИРВИО.

Отдельные инициативы и реакцию общественности на различные формы коммеморации удалось воссоздать на основе анализа материалов периодической печати. В газете «Русский инвалид» публиковались заметки об открытии памятников, хроники торжественных мероприятий, программы конкурсов и т. д.

Теоретическим ядром исследования стали идеи парадигмы *memory studies*, в которой основное внимание уделено изучению инструментов формирования исторической памяти, акторов и направлений символической политики. Одним из ключевых понятий настоящей статьи является политика памяти. В научной литературе существует множество трактовок данного исследовательского конструкта. За основу было взято определение, предложенное О. Ю. Малиновой и А. И. Миллером, для которых политика памяти — это «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — еще и законодательного регулирования» [Малинова и др., 2021, с. 15]. Для соотношения инструментов политики памяти, используемых в 1900—1914 годы, использовался историко-сравнительный метод. Выявление воспоминаний

событий военной истории и их героев в периодической печати осуществлялось с помощью контент-анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Памятные годовщины и деятельность комиссий

Актуализация в сознании российского общества различных военных событий и имен их героев в 1900—1914 годы имела достаточно динамичный характер (рис. 1).

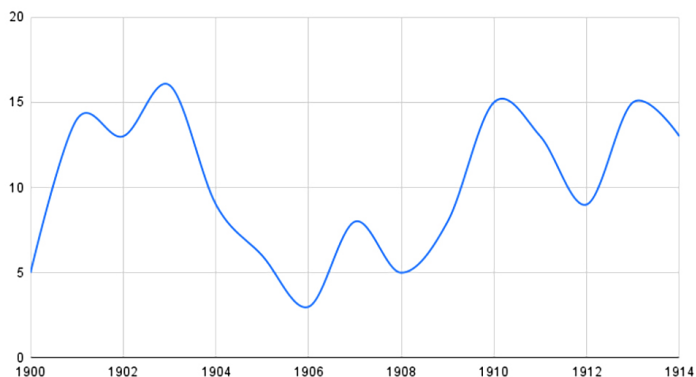

Рис. 1. Динамика актов воспоминаний событий военной истории в 1900—1914 гг.
(составлено автором научной статьи)

Значимую роль в этом процессе играли юбилеи военных событий, под знаком которых проходил рассматриваемый период. В исследовательской литературе утвердилось мнение о том, что характер всероссийских торжеств получили празднования 200-летия Полтавской победы (1909) и 100-летия Отечественной войны 1812 года (1912) [Лиманова, 2017]. Однако в 1900 году состоялись широкомасштабные мероприятия в честь 100-летия годовщины со дня смерти А. В. Суворова. Чествование памяти героя не было привязано к его конкретным победам на полях сражений, что существенно отличало это торжество от всех последующих.

Подготовкой к столь знаменательному событию занималась особая «Комиссия по разработке вопроса об увековечении памяти генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», учрежденная при Главном штабе в марте 1898 года под председательством начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Н. И. Бобрикова (Русский инвалид, 1898, декабрь) [Внутренние известия ..., 1898, № 258, с. 4].

Одновременно объявлялось открытие добровольной по империи подписки для сбора пожертвований на сооружение памятника или музея.

Для увеличения суворовского капитала в 1899 году под эгидой Николаевской академии Генерального штаба организовывались публичные лекции о жизни и военной деятельности Александра Васильевича [В пользу фонда ..., 1899, № 66, с. 3]. Лекторами выступали профессора академии, среди которых генерал-майор Н. П. Михневич, полковники П. А. Гейсман, А. З. Мышлаевский, Б. М. Коллюбакин и др. Однако билеты в первые дни разбирались неохотно в силу недоверия к военным лекторам и страха перед специализированной терминологией. Но уже после первой лекции большая часть билетов была раскуплена [С-ий, 1899, № 135, с. 5].

С публичными лекциями выступал в Туле, Костроме, Ярославле и других городах подполковник Генерального штаба П. Н. Симанский. Его сообщения сопровождалась демонстрацией туманных картин с портретами А. В. Суворова, военными походами и карикатурами. Организация чтений в провинциальных городах позволила выручить значительные суммы. От лекции в Туле удалось собрать около 500 руб., а в Костроме 624 руб. 50 коп. [Из Тулы, 1899, № 68, с. 2].

Получить дополнительные средства позволила организация концертов и театрализованных представлений. В Рязани по инициативе супруги начальника 35-й пехотной дивизии Юнаковой в военном собрании 1-й бригады в 1898—1899 годах состоялось три любительских благотворительных спектакля. Деньги от последнего предназначались «на усиление сумм, собираемых на сооружение памятника нашему великому полководцу и “отцу-учителю военного искусства”, генералиссимусу князя Суворову» [К-ий, 1899, № 47, с. 2]. Пожертвования в Суворовскую комиссию также поступали от профессиональных исполнителей [Еще лепта ..., 1900, № 54, с. 3]. К 4 мая 1900 года всего по империи было собрано 125 тыс. руб.

По инициативе члена комиссии генерал-лейтенанта С. И. Бибикова с 11 марта 1900 года учреждались «суворовские рабочие дни». Эта практика позволила дополнительно получить 74 000 руб. [К открытию суворовского музея ..., 1904, № 248, с. 2].

Активная деятельность Суворовской комиссии продолжилась и после обновления ее состава. Институциональные изменения обуславливались решением императора, по которому 13 октября 1899 года все дела по сооружению музея в память о Суворове передавались в Николаевскую академию Генерального штаба [Григорьев, 2018, с. 86]. Новой комиссии предстояло продолжить сбор пожертвований, курировать сооружение музея и организовать торжества, приуроченные к 100-летию годовщины со дня смерти генералиссимуса.

Анализ мероприятий, состоявшихся 3—12 мая 1900 года, показал, что использовался традиционный набор коммеморативных практик. Он включал в себя заупокойные литургии, панихиды, научно-просветительские чтения. Торжества начиналась 3 мая 1900 года с освящения церкви, перенесенной из родового имения в селе Кончанское на Преображенский плац рядом со зданием Николаевской академии Генерального штаба. 6 мая, в день кончины полководца, нескольким воинским частям было присвоено имя Суворова, а Варшавский кадетский корпус переименован в «Суворовский» [Высочайшие приказы ..., 1900, № 100, с. 1]. Значимость и высокий статус церемониальных действий подчеркивались присутствием императора и великих князей.

Новости о чествовании памяти Александра Васильевича Суворова доносились из Ярославля, Скопина, Порт-Артура, Пскова, Солевычегодска, Одессы, Кутаиса, Брест-Литовска и др. городов империи. Все праздничные мероприятия были объединены идеей почтить всевозможными способами память национального героя. При этом отсутствовали четкие рамки, рекомендации и ограничения в выборе форм коммеморации по сравнению с последующими всероссийскими торжествами. В такой ситуации акторы политики памяти действовали, исходя из своих финансовых и организаторских возможностей, что приводило к появлению разнообразных сценариев.

В 95-м пехотном Красноярском полку в г. Юрьеве на обозрение военной и гражданской публике была представлена реконструкция исторических моментов из жизни полководца: штурм Измаила, Суворов в деревне, битва при Треббии и др. «Все это произвело на публику настолько внушительное впечатление, что не только тысячная масса простого народа <...>, но и более интеллигентная публика — чиновники, студенты, профессора университета, искренно благодарили инициатора-командира полка и главного исполнителя-режиссёра подполковника Киреева и убедительно просили повторить <...>» [Потоцкий, 1900, № 148, с. 2].

Таким образом, 100-летняя годовщина со дня смерти великого полководца способствовала актуализации его наследия в сознании и исторической памяти российского общества начала XX века. Решение организационных вопросов было возложено на особую комиссию, состоящую преимущественно из военных. Данный опыт использовался и в дальнейшем. По инициативе императора создавались междуведомственные комиссии, объединяющие специалистов из разных учреждений для наиболее быстрого разрешения возникающих трудностей. Суворовские торжества стали одним из первых массовых празднеств начала XX века, прошедших по всей Российской империи.

3.2. Музей как хранилище памяти

В конце XIX — начале XX веков повсеместным явлением стало учреждение полковых музеев, выступающих хранилищем военных традиций и знаний по истории русской армии. Подобные тенденции предопределили утверждение идеи о строительстве музея в память о подвигах Суворова.

На пути реализации данного проекта имелось немало проблем — сжатые сроки, необходимость организации конкурса архитектурных работ, сбор экспонатов. Ситуацию усложняли и высокие требования к будущему зданию музея. В соответствии с программой конкурса оно должно было отражать силу и мощь характера полководца, показать роль солдат-сподвижников, символизировать религиозность и преданность Суворова Престолу и Отечеству [Внутренние известия, 1898, № 271, с. 2]. Ни один из проектов, поступивших в комиссию при Главном штабе, не был признан возможным для реализации.

Выбор места сооружения стал предметом обсуждения особого совещания под председательством начальника Главного штаба. В рамках его работы была высказана идея строительства музея Суворову при Николаевской академии Генерального штаба, а 13 октября 1899 года последовало соответствующее высочайшее соизволение.

Переход в ведение академии всех дел по вопросу сооружения музея обусловил разработку новой программы конкурса, утвержденной 1 июня 1900 года. В ней детализировались технические требования, уделялось значительное внимание материалам и структуре помещения. Относительно символической составляющей указывалось только то, что внешний вид и внутренняя отделка «должны напоминать личность Суворова и отражать его деяния» [Программа конкурса ..., 1900, № 162, с. 3]. До 2 января 1901 года в комиссию поступило 14 конкурсных работ. Ввиду того, что все они превосходили бюджет строительства, 5 мая 1901 года император утвердил проект архитектора хозяйственно-строительной комиссии для постройки зданий академии А. И. фон Гогена. Несмотря на энергичные усилия Суворовской комиссии, сложность задачи не позволяла рассчитывать на ее выполнение к 6 мая 1900 года. Николай II в своем дневнике 8 марта 1903 года с сожалением отмечал, что «музей имени Суворова не готов» [Мироненко, 2011, с. 717].

К 14 октября 1904 года основные строительные работы были завершены. [Внутренние известия ..., 1904, № 227, с. 3]. Помещение музея состояло из пяти залов, расположенных в одну линию, также имелось помещение для библиотеки.

Торжественное открытие музея состоялось 13 ноября 1904 года, но приурочено оно было уже к годовщине дня рождения А. В. Суворова. На-

кануне, 12 ноября в суворовской церкви состоялась заупокойная литургия. После нее все лица направились в Александро-Невскую лавру на могилу Суворова [Заупокойная литургия ..., 1904, № 249, с. 2].

13 ноября торжества начинались с крестного хода из Суворовской церкви. Среди участников помимо представителей военной и политической элиты были войсковые депутации и потомки Суворова, а также почетные посетители в лице Николая II и великих князей. Далее по программе состоялось молебствие и провозглашение вечной памяти, во время которого император «изволил опуститься на колени» [Открытие ..., 1904, № 250, с. 3]. После завершения официального церемониала Николай II в сопровождении военного министра и других участников осмотрел здание музея и коллекцию экспонатов. В тот же день в академии Генерального штаба состоялось торжественное заседание, на котором начальник академии, генерал-майор Н. П. Михневич объявил об открытии при академии Суворовского музея.

3.3. Монументальная коммеморация

На протяжении 1900—1914 годов одним из важнейших инструментов сохранения памяти о героическом прошлом выступала монументальная коммеморация. В рассматриваемый период во многих городах Российской империи и за ее пределами был установлен ряд досок и памятников, посвященных А. В. Суворову. Идеи о создании большинства из них были предложены в контексте празднования 100-летней годовщины со дня смерти полководца. Сооружаемые монументы позволяли «визуализировать» подвиги или характерные черты личности, облечь их в конкретные формы, а также закрепить за пространством определенное символическое значение.

На территории Российской империи памятники полководцу были воздвигнуты в с. Суворово Пензенской губернии Мокшанского уезда, в Очакове, Белостоке и др. Места сооружения монументов отражали вехи жизни генералиссимуса.

Памятник в с. Суворово, продемонстрированный публике 9 мая 1903 года, представлял собой бюст полководца из темной бронзы, помещенный на пьедестале высотой 5 ½ аршин [Торжество открытия ..., 1903, № 107, с. 5]. Ограждение монумента составили соединенные между собой 12 пушек. Церемонию открытия посетили представители губернской и уездной администрации, губернских городов и ближайших селений, воспитанники учебных заведений (рис. 2). Столь широкое представительство свидетельствовало о культурной и исторической значимости монумента для жителей уезда. Несмотря на то, что это село никак не было связано с победами полководца, форма памятника отражала связь владельца пензенской вотчины с военным делом.

Рис. 2. Ученики Пензенского реального училища у памятника в с. Суворово
[РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 824, л. 6]

Сооружение монументов содействовало укреплению идентичности и чувства взаимосвязи между членами сообществ. Именно по этой причине 15 декабря 1911 года уполномоченные от частей войск 16-й пехотной дивизии и 16-й артиллерийской бригады решили установить в Белостоке памятник А. В. Суворову и М. Д. Скобелеву. Генерал-лейтенант Г. К. Рихтер указывал, что «под начальством народных этих героев на полях сражений все войска дивизии заслужили выдающиеся боевые награды; <...> в преданиях частей свято хранится память нашего величайшего полководца Суворова и Скобелева...» [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1081, л. 2].

Монумент изготавливался в Риме скульптором Н. Г. Шлейфером. В соответствии с пожеланиями комиссии, памятник имел форму скалы, увенчанной двуглавым орлом с распростертыми крыльями. На лицевой стороне размещался барельеф с изображениями Суворова и Скобелева, окруженными лавровым венком [Там же, л. 11].

Расходы на сооружение памятника составили около 8500 тыс. руб. [Там же, л. 4]. Необходимые средства собирались главным образом путем офицерских взносов в полках и бригадах дивизии по 50 коп. в месяц

с каждого в течение трех лет, начиная с 1 января 1912 года по 31 декабря 1914 года. При желании благотворительный взнос могли внести и нижние чины, для которых в ротах и батареях помещалась особая кружка с надписью «На памятник Суворову и Скобелеву при 16-й пехотной дивизии» [Там же, л. 3об.]. Торжественное открытие состоялось 30 августа 1913 года [Начальник ..., 1913, № 185, с. 4].

Таким образом, сооружение монументов полководцу в Суворово и Белостоке использовалось акторами политики памяти для укрепления символической связи личности генералиссимуса с конкретной территорией или сообществом. Новые культурные символы, возникающие под воздействием данных процессов, служили одновременно источником для интеграции всего населения империи и поиска стратегии конструирования идентичности небольших групп.

Примером иной репрезентации образа Александра Васильевича Суворова в монументальном искусстве являлся памятник в Очакове. Его открытие состоялось 1 октября 1907 года и было приурочено к 120-летию Кинбурнской битвы в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Изготовлением монумента занимался известный художник-скульптор Б. В. Эдуардс, изобразивший полководца «в минуту ранения его пулей под сердце в Кинбурнском бою: весь корпус фигуры выражает призыв войск к дальнейшему наступлению на неприятеля, указываемого правой рукою; левая рука зажимает рану под сердцем» [Из крепости ..., 1907, № 204, с. 3].

В телеграмме, отправленной Императорским Русским военно-историческим обществом командующему войсками Одесского военного округа, генералу от кавалерии А. В. Каульбарсу, подчеркивалась мысль о том, что «памятник великому полководцу послужит новой связью славного исторического прошлого русской армии» [ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 21].

Викториальные мотивы также легли в основу концепции увековечения памяти Суворова в Измаиле. Идея сооружения монумента на месте выдающейся победы генералиссимуса возникла еще осенью 1909 года во время поездки членов Одесского отдела ИРВИО по Дунаю. Данная инициатива нашла поддержку со стороны местной администрации и жителей города. В декабре 1909 года городское управление получило разрешение на сбор пожертвований в Измаильском уезде [Там же, д. 87, л. 41].

В 1911 году в Главное управление Генерального штаба поступило ходатайство от Совета ИРВИО с просьбой расширить территорию сбора пожертвований до пределов всего Одесского военного округа. В прошении указывалось, что «частный сбор средств в Измаильском уезде искажает основную идею сооружения памятника: благодарным населением ныне процветающего Южно-Русского края» [Там же, л. 316 об.].

Главное управление Генерального штаба предложило объединить усилия ИРВИО и местной администрации по сбору пожертвований [Известия, 1912, с. 36—37]. Такое решение позволило избежать конкуренции между акторами политики памяти и направить их активность на достижение общей цели.

После завершения всех работ по изготовлению монумента Суворову в Рымнике в 1913 году было принято решение «повторить памятник рымникский в Измаиле, изменив лишь барельеф / вместо рымникского сражения — штурм Измаила 11 декабря 1790 года» [ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 316 об.]. Для этого весной 1914 года поступило распоряжение о выделении 9341 пуда лома латуни [Там же, 1914, с. 359]. В середине июня состоялась торжественная закладка нового монумента [Закладка ..., 1914, № 135, с. 2].

Рымникский памятник Александру Васильевичу Суворову являлся примером реализации коммеморативных проектов за пределами российского государства. С предложением об увековечении памяти полководца на румынской земле выступила депутация Одесского отдела ИРВИО во время своего визита в Румынию в 1909 году. Данная инициатива нашла поддержку со стороны румынского правительства, которое на безвозмездной основе выделило участок земли и разрешило беспопылинный ввоз всех необходимых материалов для сооружения монумента [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1069, л. 1].

Строительные работы курировались особой комиссией, образованной 7 февраля 1911 года, под руководством командира 8-го армейского корпуса генерала от инфантерии И. А. Романенко. В ее состав помимо членов Одесского отдела ИРВИО также входили полковник румынской армии Ильеску и русский военный агент в Румынии полковник Е. А. Искрицкий [ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 52]. В ведении комиссии находилось решение всех организационных вопросов: от переписки с необходимыми ведомствами до определения точного места установки памятника [Там же, л. 44 об.]. Впоследствии признавалось, что месторасположение монумента в долине реки Рымны было выбрано весьма удачно с точки зрения соответствия исторической действительности и доступности: он был размещен в непосредственной близости от железной дороги [Там же, л. 58].

О масштабности проекта свидетельствовали размер памятника, высота которого составляла $12\frac{3}{4}$ аршина, а также расходы на сооружение, составившие в сумме 160 тыс. руб. [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1069, л. 69 об.]. За реализацией проекта с особым вниманием следил русский император, который давал указания Б. В. Эдуардсу об обязательном помещении скульптуры Суворова на лошадь казачьего типа и изображении в барельефе австрийских войск [Там же, л. 5].

По словам Б. В. Эдуардса, основу проекта составила идея героического образа полководца. Скульптор отмечал, что «глубоко религиозный, великий старец начинал всегда сражение с молитвы и водил войска в штыки с именем Бога и царя на устах» [Там же, д. 1063, л. 39]. На монументе фигура военачальника, обернувшегося к войскам, изображалась со шляпой в руках, которой он подавал знак для последней решительной атаки кавалерии (рис. 3).

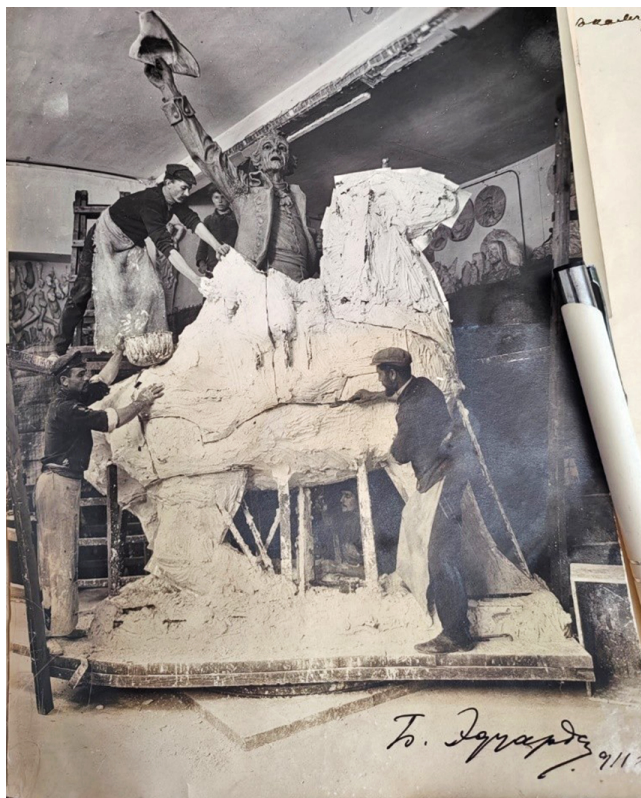

Рис. 3. Процесс изготовления памятника А. В. Суворову в Рымнике. 1911.
[ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 79]

Строительные работы планировалось завершить к июню 1912 года, а торжественное открытие приурочить к годовщине Рымникого сражения 11 сентября 1912 года. По мнению комиссии, к этому времени в России должно было закончиться празднование 100-летия Отечественной войны 1812 года [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1069, л. 56 об.]. Однако не был уч-

тен вековой юбилей присоединения Бессарабии. В секретных донесениях министра иностранных дел сообщалось, что эта памятная дата находила «болезненный отклик в румынском обществе вообще, особенно же в интеллигентской среде» [Там же, д. 1077, л. 12]. Таким образом, церемония открытия переносилась по политическим мотивам до более благоприятных обстоятельств в надежде на то, что память о совместном боевом прошлом позволит улучшить отношения между странами [Там же, л. 12 об.].

Памятник А. В. Суворову на Рымникском поле был открыт 6 ноября 1913 года. Участие в церемонии приняли депутация из Российской империи, австрийский военный агент Хранилович, румынские офицеры, представители общественности и др. По решению Николая II из высочайших особ на открытие никто не направлялся [Там же, л. 40]. В начале торжества военный оркестр исполнил русский и румынский гимны, затем было совершено богослужение, после которого монумент был представлен на обозрение публике. Затем состоялось возложение венков, проведение парада и праздничный банкет. По этому случаю активный деятель ИРВИО А. К. Баиов отправил румынскому королю Карлу телеграмму, в которой выражал благодарность за содействие и сочувствие. В своем послании он подчеркивал мысль о том, что новый памятник станет «хранилищем заветов славного прошлого и залогом блестящего будущего» [ОР РНБ, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 63, л. 56—57].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, необходимо отметить, что события военной истории занимали одну из ключевых позиций в политике памяти Российской империи начала XX столетия. Повышенное внимание к викториальной тематике объяснялось не только значением военных кампаний в истории государства, но и особым положением армии в обществе. В рассматриваемый период политика памяти была направлена на укрепление самодержавного строя в центре и на окраинах империи, объединение подданных на основе общезначимых культурных и исторических символов, их закрепление на территории государства с многонациональным населением.

На протяжении 1900—1914 годов активно велась работа по конструированию пантеона национальных героев. В каждой исторической эпохе существовали свои примеры для подражания — воины, отличившиеся в боях, проявившие стойкость и мужество. Военные кампании, в том числе окончившиеся поражением русской армии, приводили к пополнению списка героев новыми именами. Несмотря на то, что А. В. Суворов был военным деятелем XVIII века, память о нем жила и в последующие столетия, а его образ использовался государством для возвеличения русской армии и поднятия боевого духа в начале XX века.

Образ героя-полководца на рубеже веков занимал важное место в пространстве памяти Российской империи. Об этом свидетельствовали многочисленные проекты по увековечению памяти генералиссимуса и количество благотворительных пожертвований, поступавших в Суворовскую комиссию.

В коммеморации принимали участие научные сообщества, местные органы власти, армейские части, но, несмотря на это, осуществление того или иного замысла зависело от монарха и его ближайшего окружения. Сложившийся порядок, требующий получения высочайшего соизволения, приводил к тому, что фигура императора занимала центральное место среди действующих лиц символической политики. При этом необходимо учитывать, что увеличение коммеморативных проектов на протяжении рассматриваемого времени стало объективным фактором активизации других акторов, прежде всего научных сообществ.

Сюжеты военной истории использовались в создании культурной инфраструктуры как внутри государства, так и за его пределами. Важнейшими инструментами формирования пространства памяти являлись организация праздничных церемоний и научно-просветительских мероприятий, учреждение музеев, монументальная коммеморация и др. На территории Российской империи, как правило, все эти способы использовались в совокупности, дополняя друг друга. За границей России набор механизмов был ограничен, поэтому отдавалось предпочтение монументальному искусству, которое позволяло закрепить определенное значение в рамках географического и социокультурного пространства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. В пользу фонда на сооружение памятника Суворову // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 66. — С. 3.
2. ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11. (Императорское Русское военно-историческое общество). Оп. 1. Д. 4, 87.
3. Внутренние известия // Русский инвалид : [газета]. — 1898. — № 258. — С. 4.
4. Внутренние известия // Русский инвалид : [газета]. — 1898. — № 271. — С. 1—2.
5. Внутренние известия // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 227. — С. 3.
6. Высочайшие приказы : по военному ведомству // Русский инвалид : [газета]. — 1900. — № 100. — С. 1.
7. Еще лепта в суворовскую складчину // Правительственный вестник : [газета]. — 1900. — № 54. — С. 3.
8. Закладка памятника полководцу Суворову в Измаиле // Русский инвалид : [газета]. — 1914. — № 135. — С. 2.

9. *Заупокойная* литургия и панихида по генералиссимусу князю Суворову // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 249. — С. 2—3.
10. *Из крепости* Очакова // Русский инвалид : [газета]. — 1907. — № 204. — С. 2—3.
11. *Из Тулы* // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 68. — С. 2.
12. *Известия* Императорского Русского военно-исторического общества // Журнал ИРВЮ : [журнал]. — 1912. — № 2. — С. 36—47.
13. *Известия* Императорского Русского военно-исторического общества. // Журнал ИРВЮ : [журнал]. — 1914. — № 6—7. — С. 359—374.
14. *К открытию* Суворовского музея // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 248. — С. 2—3.
15. *К-ий В. В.* Из Рязани / В. В. К-ий // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 47. — С. 2.
16. *Начальник* 16-й пехотной дивизии извещает // Русский инвалид : [газета]. — 1913. — № 185. — С. 4.
17. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. (Военский Константин Адамович). Оп. 3. Ед. хр. 63.
18. *Открытие* Суворовского музея при Николаевской академии генерального штаба // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 250. — С. 3.
19. *Потоцкий П.* Суворовские торжества в 95-м пехотном Красноярском полку / П. Потоцкий // Русский инвалид : [газета]. — 1900. — № 148. — С. 2.
20. *Программа* конкурса на составление «Проекта музея для увековечения памяти генералиссимуса князя Итальянского, графа Суворова-Рымникого» // Русский инвалид : [газета]. — 1900. — № 162. — С. 3.
21. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. (Главное управление Генерального штаба, г. Петербург (Петроград)). Оп. 2. Д. 1063, 1069, 1077, 1081.
22. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 922. (Глазов Владимир Гаврилович, генерал от инфантерии) Оп. 1. Д. 824.
23. *С-ий П.* Отчет о «Суворовских чтениях» в Московском военном округе / П. С-ий. // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 135. — С. 4—5.
24. *Торжество* открытия и освещения памятника князю Суворову в Суворово // Русский инвалид : [газета]. — 1903. — № 107. — С. 5.

Литература

1. *Буганов А. В.* Полководцы и военные герои в исторической памяти русского народа / А. В. Буганов // Труды института российской истории РАН. — 2010. — № 9. — С. 160—173.
2. *Григорьев С. И.* Суворовское «памятехранилище». Вклад Николаевской академии Генерального штаба в создание музея А. В. Суворова / С. И. Григорьев // Военно-исторический журнал. — 2018. — № 5. — С. 83—89.
3. *Джонсон Дж.* Символическая политика как предмет political science и Russian studies : исследования политического использования прошлого в постсоветской России / Дж. Джонсон, О. Ю. Малинова // Политическая наука. — 2020. — № 2. — С. 15—40. — DOI: 10.31249/poln/2020.02.01.
4. *Лапин В. В.* Трехсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века / В. В. Лапин // 400-летие дома Романовых, 1613—2013. Политика памяти и монархическая идея. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — С. 164—180. — ISBN 978-5-94380-214-0.

5. Лиманова С. А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II / С. А. Лиманова. — Москва : Кучково поле, 2017. — 360 с. — ISBN 978-5-9950-0628-2.
6. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. — 2019. — № 9. — С. 285—312.
7. Малинова О. Ю. Введение. Символическая политика / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 7—37. — ISBN 978-5-94380-317-8.
8. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России : акторы, институты и практики / А. И. Миллер // Новое прошлое. — 2020. — № 1. — С. 210—217. — DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-210-217.
9. Мироненко С. В. Дневники императора Николая II (1894—1918) / С. В. Мироненко. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — Т. 1. — 1100 с. — ISBN 978-5-8243-1602-5.
10. Пахалюк К. А. Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого / К. А. Пахалюк // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — № 4 (61). — С. 178—203. — DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203>.
11. Поршнева О. С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте / О. С. Поршнева // Вестник РУДН. Серия : история России. — 2021. — № 20 (2). — С. 216—235. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>.
12. Постников С. В. Имя русского полководца А. В. Суворова в названиях топонимов / С. В. Постников, А. Г. Наумлюк // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2021. — № 1 (76). — С. 75—79.
13. Просолов Д. Н. Исторические юбилеи покорения Кавказа в символической политике кавказских наместников в конце XIX — начале XX в. / Д. Н. Просолов // Вестник КБИГИ. — 2022. — № 1 (52). — С. 22—34. — DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-22-34.
14. Рольф М. Советские массовые праздники / М. Рольф. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 439 с. — ISBN 978-5-8243-1086-3.
15. Сагинадзе Э. О. «Первый шаг к русскому владычеству на Кавказе» : 100-летний юбилей присоединения Грузии к России / Э. О. Сагинадзе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2020. — № 5 (97). — С. 94—100. — DOI: 10.35330/1991-6639-2020-5-97-94-100.
16. Тинякова Е. А. Личность А. В. Суворова в зарубежных музейных экспозициях и туристических маршрутах / Е. А. Тинякова // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2018. — № 1 (1). — С. 60—71. — DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10107.
17. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. — Москва : ОГИ, 2004. — Т. 2. — 796 с. — ISBN 5-94282-252-2.
18. Цимбаев К. Н. Истоки юбилейной культуры императорской России / К. Н. Цимбаев // Диалог со временем. — 2019. — № 67. — С. 70—79. — DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30832>.
19. Winter J. Notes on the Memory Boom : War, Remembrance and the Uses of the Past / J. Winter // Memory, Trauma and World Politic. Reflections on the Relationship Between Past and Present. — London : Palgrave Macmillan, 2006. — Pp. 54—73.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024,
одобрена после рецензирования 02.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Another contribution to the Suvorov fold. (1900). *Government Bulletin: [newspaper]*, 54: P. 3. (In Russ.).
- For the opening of the Suvorov Museum. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 248: 2—3. (In Russ.).
- From the Ochakov fortress. (1907). *Russian invalid: [newspaper]*, 204: 2—3. (In Russ.).
- From Tula. (1899). *Russian invalid: [newspaper]*, 68: P. 2. (In Russ.).
- Funeral liturgy and memorial service for Generalissimo Prince Suvorov. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 249: 2—3. (In Russ.).
- In favor of the foundation for the construction of a monument to Suvorov. (1899). *Russian invalid: [newspaper]*, 66: P. 3. (In Russ.).
- Internal news. (1898). *Russian invalid: [newspaper]*, 258: P. 4. (In Russ.).
- Internal news. (1898). *Russian invalid: [newspaper]*, 271: 1—2. (In Russ.).
- Internal news. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 227: P. 3. (In Russ.).
- K-i V. V. (1899). From Ryazan. *Russian invalid: [newspaper]*, 47: P. 2. (In Russ.).
- Laying of the monument to commander Suvorov in Izmail. (1914). *Russian invalid: [newspaper]*, 135: P. 2. (In Russ.).
- OP RNB — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. (In Russ.).
- Opening of the Suvorov Museum at the Nikolaev Academy of the General Staff. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 250: P. 3. (In Russ.).
- Potocki, P. (1900). Suvorov celebrations in the 95th Infantry Krasnoyarsk regiment. *Russian invalid: [newspaper]*, 148: P. 2. (In Russ.).
- Proceedings of the Imperial Russian Military Historical Society. (1912). *IRVIO Magazine: [journal]*, 2: 36—47. (In Russ.).
- Proceedings of the Imperial Russian Military Historical Society. (1914). *IRVIO Magazine: [magazine]*, 6—7: 359—374. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive. F. 2000. (Main Directorate of the General Staff, St. Petersburg (Petrograd))*. (In Russ.).
- S. I. P. (1899). Report on the “Suvorov readings” in the Moscow Military District. *Russian invalid: [newspaper]*, 135: 4—5. (In Russ.).
- Supreme orders: according to the military department. (1900). *Russian invalid: [newspaper]*, 100: P. 1. (In Russ.).
- The celebration of the opening and lighting of the monument to Prince Suvorov in Suvorovo. (1903). *Russian invalid: [newspaper]*, 107: P. 5. (In Russ.).
- The head of the 16th Infantry division informs. (1913). *Russian invalid: [newspaper]*, 185: P. 4. (In Russ.).
- The program of the competition for the compilation of the “Museum project for perpetuating the memory of Generalissimo Prince of Italy, Count Suvorov-Rymniksky”. (1900). *Russian invalid: [newspaper]*, 162: P. 3. (In Russ.).
- VIMAIVS — *Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Troops*. (In Russ.).

References

- Buganov, A. V. (2010). Generals and military heroes in the historical memory of the Russian people. *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*, 9: 160—173. (In Russ.).

- Grigoriev, S. I. (2018). Suvorov's "memorabilia". The contribution of the Nikolaev Academy of the General Staff to the creation of the A. V. Suvorov Museum. *Military Historical Journal*, 5: 83—89. (In Russ.).
- Johnson, J., Malinova, O. Y. (2020). Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: Studies of the Political Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Political Science*, 2: 15—40. DOI: 10.31249/poln/2020.02.01. (In Russ.).
- Lapin, V. V. (2016). Tercentenary of the House of Romanov and military anniversaries of the beginning of the XX century. In: *400th anniversary of the House of Romanov, 1613—2013. The politics of memory and the monarchical idea*. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg. 164—180. ISBN 978-5-94380-214-0. (In Russ.).
- Limanova, S. A. (2017). *The capital celebrations of the Russian Empire in the reign of Nicholas II*. Moscow: Kuchkovo Pole. 360 p. ISBN 978-5-9950-0628-2. (In Russ.).
- Malinova, O. Y. (2019). Politics of memory as an area of symbolic politics. *Method*, 9: 285—312. (In Russ.).
- Malinova, O. Y., Miller, A. I. (2021). Introduction. Symbolic politics. In: *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 7—37. ISBN 978-5-94380-317-8. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2020). The politics of memory in strategies for the formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices. *New Past*, 1: 210—217. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-210-217. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. (2011). *Diaries of Emperor Nicholas II (1894—1918), 1*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 1100 p. ISBN 978-5-8243-1602-5. (In Russ.).
- Pakhalyuk, K. A. (2018). Russia and Bulgaria: between the "memory wars" and the search for a common past. *Bulletin of MGIMO University*, 4 (61): 178—203. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203>. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2021). The politics of memory in Russia: The First World War in the European context. *Bulletin of the RUDN University. Series: the history of Russia*, 20 (2): 216—235. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>. (In Russ.).
- Postnikov, S. V., Naumlyuk, A. G. (2021). The name of the Russian commander A. V. Suvorov in the names of toponyms. *Actual problems of humanities and socio-economic sciences*, 1 (76): 75—79. (In Russ.).
- Prosolov, D. N. (2022). Historical anniversaries of the conquest of the Caucasus in the symbolic policy of the Caucasian governors at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Bulletin of KBIGI*, 1 (52): 22—34. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-22-34. (In Russ.).
- Rolf, M. (2009). *Soviet mass holidays*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 439 p. ISBN 978-5-8243-1086-3. (In Russ.).
- Saginadze, E. O. (2020). "The first step towards Russian rule in the Caucasus": the 100th anniversary of Georgia's accession to Russia. *Izvestia Kabardino-The Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 5 (97): 94—100. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-5-97-94-100. (In Russ.).
- Tinyakova, E. A. (2018). The personality of A. V. Suvorov in foreign museum expositions and tourist routes. *Modern problems of service and tourism*, 1 (1): 60—71. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10107. (In Russ.).

- Tsimbaev, K. N. (2019). The origins of the jubilee culture of Imperial Russia. *Dialogue with Time*, 67: 70—79. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30832>. (In Russ.).
- Winter, J. (2006). Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past. In: *Memory, Trauma and World Politic. Reflections on the Relationship Between Past and Present*. London: Palgrave Macmillan. 54—73.
- Wortman, R. S. (2004). *Scenarios of power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy*, 2. Moscow: OGI. 796 p. ISBN 5-94282-252-2. (In Russ.).

*The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 02.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*